

*Приложение 6: истории людей, живущих в Верхнекамском районе,
бывших во время войны детьми*

**СТАРОДУМОВА АЛЕКСАНДРА
ЕФИМОВНА**

Александра Ефимовна родилась 14 Ноября 1936 года в деревне Большие Рязанцы. На момент начала войны ей было восемь с половиной лет. Папу отправили на фронт, а всю войну она прожила с мамой, двумя сестрами и двумя братьями. Александра Ефимовна рассказывала, что всего в семье было 14 детей, но по разным причинам выжило только 5.

О войне узнала, когда мама стала говорить, что все масло, молоко и другие продукты будем отправлять на фронт. А дети морально повзрослели быстро и понимали, что у мамы ничего просить не надо. И настали трудные времена: дети стали работать так же, как и взрослые.

Из родственников Александры Ефимовны воевал только папа и его брат. Мама написала первое письмо на фронт, а в ответ ей пришло письмо, что отец семейства пропал без вести. И если у него были награды, мы уже этого не узнаем.

Всю войну женщина прожила с мамой. Мужчины ушли на фронт, помогать было некому. И теперь было неважно, какого ты возраста, приходилось делать ту работу, что делали взрослые. Александра Ефимовна вспоминает, что все делали сами: чинили, дрова заготавливали, а после везли их на санках. А бывало и так: мама уйдет на работу, а детвора к печке жметя от холода, надо бы и печку топить, а дров нет. Или идет она маленькая, тащит зерна 50кг. и закидывает выше головы.

Не хватало ни еды, ни одежды, ни продуктовых карточек, ни игрушек. «Ну, какие игрушки! Вот в огороде пашем, найдем стеклышко или цветок. Ой! Оближем, почистим, домой принесем. Вот наши игрушки были. А шить кукол не из чего было и некогда», - вспоминала Александра Ефимовна. Всю еду, что была - сдавали. Были у них и корова, и овцы, и куры, но все продукты отправляли на фронт, а сами ходили траву и корешки собирали. На трудодни ничего не давали в колхозе. Изредка скажут, что муку выдадут, они придут, а им

насыпают горсточку в ладошку, пока идут домой слижут всю муку. Мама в семье сходит – малину наберет, а потом идет за 20 км. в Зуевку, там продаст, купит еды и дома детей накормит. Очень редко покупала сапожки или одежду, и все дети берегли их как зеницу ока.

В школу ходили в лаптях за 4 км. учебников не хватало, приходилось делиться и работать вместе. Всего было 6 классов, а потом в другую школу переводили. Сама Александра Ефимовна закончила 5 классов.

Она вспоминала: «Придешь из школы надо теревить лен, копать картошку, корову доить, а руки так сильно болят после, все в занозах и в нарывах». Единственное что помнила о детстве, это вечная работа: «На быках пахали, дрова возили, а если он ляжет, заупрямится, то приходилось его поднимать, а он ни в какую, потом уже берешь его, распрягаешь, он встанет, и опять его запрягать надо».

Но изредка бывало, что командир отпускала девочек поиграть. Радовались они маминым рассказам после работы, а вечером ходили на вечерки, танцевали, песни пели. Пока в колхозе работали, тоже пели. Народ был дружный и веселый. Хоть и были они голодные, а на душе им радостно бывало.

Но, конечно, самая счастливая была новость о Победе. Мама Александры Ефимовны говорила им до Победы, что все скоро наладится, будем хорошо жить. О Победе громким голосом объявили по радио. Кто-то смеялся, кто-то плакал, но все от радости. Война наконец-то закончилась.

Но жизнь после Победы была не совсем легкой. Паспорта в деревнях не выдавали, чтобы никто не смог в город уехать, а работать только в деревне, но брат Александры Ефимовны был в Коми и сказал, чтобы она приезжала к нему - паспорт получать. Женщина получила паспорт в 20 лет, вернулась в деревню, а в город ее не отпускали, заставляли работать. Когда она стала отказываться, ее мама заплакала, потому что если она не будет работать, их семье не выдадут лошадь. Но женщина все равно уехала в Зуевку, стала работать на железной дороге. В городе познакомилась с мужем. А позже его перевели по работе в Кирс, и живут они здесь уже 47 лет. У них с мужем двое детей, четверо внуков и четверо правнуков. Сейчас они живут хорошо, единственное, их подводит здоровье. Но каждый раз женщина с содроганием вспоминает о войне и частенько всплакнет по вечерам. Ни для кого эти годы не прошли бесследно.

КУРУШИНА

СЕРАФИМА ИВАНОВНА

«Я родилась в 1938 году в деревне Заберезник Кирово-Чепецкого района (Вожгальского), Кузиковского сельсовета в многодетной крестьянской семье.

В семье было пятеро детей. Отец умер перед началом войны, я отца не помню. Он был охотник, простудился и умер от туберкулёза. Ещё отец делал гребешки из рогов коров и быков.

Когда началась война, мне было три года и три месяца. Старшую сестру Клавдию в девятнадцать лет забрали на фронт. Служила она под Ленинградом в войсках ПВО в особом оповещательном батальоне, после окончания

курсов радиста. Про два часа стояли они на вышках у телефона. Их часто перебрасывали в разные места (Луга, Порхов, Тихвин).

Она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», орденами и юбилейными медалями.

Была демобилизована по болезни в 1944 году.

Второй брат Анатолий дошёл до Берлина. Имеет награды: «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией» и другие.

Сестра Валентина во время войны была отправлена из колхоза на лесозаготовки, а брат Пётр был направлен учиться в школу ФЗО.

Я фактически дома была почти всё время одна, так как мама с ранней зорьки и до заката солнца была на колхозной ферме. Корма заготавливали вручную, так как техники никакой не было. Коровы телились, и приходилось ходить и ночью наблюдать за ними. Я помню момент, когда мама пришла ночью меня проверить, и я зимой гналась за ней раздетая, кричала, плакала, но...

Мама просто разрывалась между домашним хозяйством и работой. Награждена медалями «за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «Медалью Материнства». Одеть и обуть у нас было нечего. И я помню, что на ногах у мамы была разная обувь, на одной ноге лапоть, а на другой валенок или ботинок.

Детских воспоминаний хватает. Помню, как однажды мама взяла меня в поле, где жали пшеницу или рожь серпами возле лесополосы, и разрешила с краешка собирать грибы. Мне тогда было уже 4 года. Я незаметно прошла лесополосу и оказалась на поле другого колхоза. Я побежала искать маму. Уже вечерело, а я бежала вдоль речки, увидела деревню на другом берегу, по переходу перешла на другой берег. Там я увидела, как из дома вышла женщина, что-то сняла с забора и ушла в дом. Я стала стучаться в этот дом. Меня накормили, всё расспросили, там я переночевала и меня увезли в

районный центр в отделение милиции. Там меня и нашла мама. Она привезла мне колобки из семян «заячьей кислинки», её у нас называли ещё «красулькой». Заброшенные поля смотрелись красными от неё. Муки не было даже, чтобы скрепить или слепить колобки.

По рассказу мамы, меня искали всей деревней, и стар, и млад. Всю ночь прочёсывали лес с факелами, а кто и на лошадях. Сейчас я вспоминаю, насколько дружен был народ в деревне, помогали друг другу, чем могли.

Для меня слово «война» связано с каким-то страхом. Я и сейчас боюсь её. Боюсь, потому что испытывали голод и холод, с детства познали труд. Нас не надо было уговаривать, мы брались за любую работу. В доме столы, скамейки, полы были не крашенные, и я помню, как я скребла пол косарём, ведь взрослых дома никого не было.

За труд в колхозе ставили палочки, а детям $\frac{1}{2}$ палочки, потом немного давали зерна. Я помню, как мы мололи зерно на жерновах, чтобы получить муку.

В деревне я прожила до 12 лет, но помню какие мы выполняли работы: теребили лён, пололи, загребали сено, пастушили коров, телят, колхозных свиней, собирали колоски, возили навоз на поля, помогали на гумне обмолачивать зерно, отгребали от веялок зерно. С малолетства учились управлять лошастью. По вечерам уводили лошадей в «ночное» - (огороженный лес), где часто на них нападали волки.

Хорошие лошади были отправлены на фронт. А в колхозе остались только выбракованные. Меня садили на маленькую лошадку по кличке «воробей», мы ехали до леса, а потом пешком возвращались домой. Поля и огороды пахали на коровах и быках. Я помню, когда пахали колхозные картофельные поля весной, то мы ходили по вспаханной борозде и собирали выпавшую гнилую картошку. Мама пекла очень вкусные лепешки. Это было тоже маленькое счастье.

Всю войну мы питались травой с лугов и полей: полевой хвощ, пестики, крапива, лебеда, щавель... Мука в доме была редко и мало.

Наша деревня Заберезник была на берегу реки Чепца, а другом берегу деревня Салтыки. В речке была очень чистая вода, поэтому видна была рыба, раки, пиявки, камушки. Под камушками ловили рыбу руками, часто с ребятишками сидели с удочками. Лес был богат ягодами, особенно земляникой и сыроежками, боровики, рыжики. С детства помню вкус рыжиков и до сих пор равнодушна к ним. Когда поспевал колхозный горох, то председатель устраивал для школьников праздник 7 августа. Кто-нибудь из взрослых водил нас на гороховые поля, где нам отводилось определённое место. Нам разрешали набрать школьную или холщовую сумку гороха домой и поесть досыта. Некоторые ребята умудрялись набрать гороха ещё и в пазуху.

Были в деревнях и зажиточные люди, у которых был хлеб.

И вот я с ребятами несколько раз ходила побираться по деревням из-за голода, мы были рады, если нам что-то подадут.

В войну мама ходила в район менять на хлеб всё, что было можно: тканые льняные скатерти, полотенца, покрывала...приносила нам каравайчик хлеба, и мы были счастливы.

Колхозники работали под девизом: «Всё для фронта, всё для победы».

Но самое страшное, что были обложены продуктовыми налогами. Нужно было сдать государству для фронта: одиннадцать килограмм сливочного масла, сорок килограмм картофеля или крахмала, четыреста грамм овечьей шерсти, семьдесят пять штук яиц. Я помню, как мама, уходя на работу, оставляла мне ведро намытой крупной картошки, чтобы я её истёрла на тёрке на крахмал. Руки были постоянно в ссадинах. А суп приходилось варить из мелкой неочищенной картошки.

Конечно, большим подспорьем был огород и корова, которую несколько раз «описывали» за неуплату налогов. А потом возвращали. Всю войну у нас не было мыла. Стирали бельё и мылись в бане щёлоком (настояем золы). От голода был у всех педикулёз (бельевой и головной).

Наше детство было босое. Начинали ходить босиком с ранней весны и всё лето. Чуть появлялись проталинки, и мы прыгали босиком с проталинки на проталинку. Игрушек не было. Мы шили сами кукол из тряпок.

Наша деревня была расположена на угоре, и, когда растает снег, мы любили кататься с угора до речки лёжа на боку. И вот однажды, во время ледохода, я скатилась прямо в речку, в самую полынью, одета была в мамину фуфайку, не помню, что было у меня на ногах. Ребята, которые были повзрослее, меня как-то вытащили и увели домой. Мама истопила русскую печь, настелила соломы и меня в печку, и я там прогрелась.

Холодильников в войну не было, но были ледники, где стояли заготовки грибов, ягод на зиму.

Кончилась война, вернулись с войны брат, сестра с множественными наградами. Мы с ребятами почему-то боялись военных, особенно если солдат идёт на костылях, и убегали, прятались под берег, там у нас были вырыты «убежища».

В школу я пошла в 1946 году. Школа была в четырёх километрах от нашей деревни в селе Кузики. Зимой мы жили в интернате. А летом ходили через лес вдоль берега реки по лугам. Ели весь подножный корм: ягоды, севериху с сосен, а на ёлках красные шишечки, мохнатики, листья подорожника. В лесу на соснах была смола, мы её перетапливали и жевали вместо жвачки.

В школу ходили в лаптях, с холщовыми сумками через плечо. На выходные ходили домой, а всю неделю зимой жили в интернате. Для отпугивания волков были сделаны факелы (железная банка с мелко нарезанной резиной и длинной ручкой). Однажды мы встретили волков, кричали, махали зажжёнными факелами, и они уступили нам дорогу. Волков было столько, что они ходили ночью по деревне и задирали собак, а иногда и нападали во хлевах на коров, овец, телят. Отстреливать волков было некому, потому что в деревне остались одни старики, женщины и дети. Рыжие лисички бегали ха колхозным полем вдоль леса, мы просто наблюдали за ними.

Бумаги и книг не хватало, часто писали на старых книгах между строчками. Иногда был один учебник на две деревни. Учителей тоже не хватало.

Я до сих пор помню свою старенькую первую учительницу, как она пришла на первый урок в чёрном платье с белым воротничком, а звали её, как и меня, Серафимой Ивановной.

Я была октябрёнком, пионеркой, в комсомол вступила в городе Кирс в десятом классе. Была участницей художественной самодеятельности в школе, пели ставили инсценировки. Мне пришлось 10 класс в 2 республиках: в Украине, и снова приехала в Кирс и доучилась, наконец. Закончила Слободское педагогическое училище. Работала в детском саду №5 «Улыбка» и до пенсии».

Жить было очень трудно в войну, но люди не унывали, старались по возможности помочь друг другу. Сострадание и взаимовыручка помогали выживать. Я помню, как одному мальчику в классе сшили новую шубу, а мне отдали старую. Я была очень рада, хотя мама ушила шубу и она была вся в заплатках.»

ГРЕК

ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ

Из воспоминаний «Мне было 9 лет, когда началась Великая Отечественная война. Наша семья состояла из 7 человек. Мы жили в Могилёвской области. В 1941 году немцы дошли до деревни и сожгли многие дома. Наша семья жила в погребке или в бане. Скота своего не было. Ходили в школу и занимались домашним хозяйством. Про еду, конечно, даже и вспоминать не хочется. В настоящее время на такую еду мы не стали бы и смотреть. Со своих огородов урожай не могли собрать, так как днём забирали немцы, а ночью партизаны.

Был такой случай. Немцы гнали наших пленных солдат мимо нашей деревни. Остановились на привал рядом с кладбищем, возле которого было болото. Старики, которые косили неподалёку траву, попросили нас принести воды для пленных. Придя обратно, мы увидели, что наши солдаты сидели освобождённые, а немцев не было. На наши вопросы о том, куда же девались немцы, старики ответили: «Дальше пошли, а наши не захотели с ними идти». Освободившиеся солдаты пошли в партизаны. Позже мы узнали, что им «помогли» наши Пенские болота.

Мою маму звали Меланья Егоровна. По просьбе партизан, она на свой страх и риск ходила в близлежащий лагерь военнопленных и выкупала оттуда наших солдат, которые снова возвращались в партизанские отряды.

В начале 1944 года нашу деревню освободили. Как сейчас помню, в 10 часов утра налетели наши советские самолёты. Немцы начали отход, чтобы как-то укрыться от обстрела, немцы хватили нас и прикрываясь нами, пережидали обстрел. Выжившие ребята прятались в картошку. Наша семья пережила войну, отец вернулся в 1946 году, а я был призван в Армию в 1955 году.

О самых страшных моментах мне бы не хотелось говорить, а лучше забыть и никогда не вспоминать. Хотелось, чтобы нынешнему поколению никогда не пришлось пройти через это.

МОХОВА

ЛЮДМИЛА РОМАНОВНА

Людмила Романовна родилась в Удмуртии д. Шудзя. «У мамы было нас много, не помню сколько, потому что в живых осталось только четверо. Я была младшая в семье. Мать бывало, в родительскую субботу пойдёт на кладбище к умершим детям, а я с ней просилась. А она говорила: «Не ходи, я тебе принесу гостинцы от них». А там, что люди дадут, то и приносила. Отца своего почти не помню. Помню только один случай: совсем маленькую меня держал на руках и плакал, ушёл, и больше я его не видела никогда. По рассказам мамы, он воевал в гражданскую войну.

Когда началась Великая Отечественная война, нам жилось очень тяжело. Липовую кору сушили, молотили, и чтобы тесто было не тянучее, добавляли туда муку из соломы. Чтобы выжить, мы ходили по дворам, собирали. В портяной мешок нам клали в основном овощи: калигу, морковь, репу, и мама из них делала паренку.

До сих пор в глазах стоит страшная картина. Когда мы с ребятами ходили от деревни до деревни, увидели женщину на дороге, которая от голода упала и умерла. А маленький ребёнок у неё грудь сосёт. А уж на обратном пути видим, что их обоих вороны истребляли.

Также собирали траву, пиканы и ещё какую-то траву, от которой синели губы. А из гнилой картошки пекли оладьи. Помню, однажды наелись печёного хрена и все отравились. Спали целые сутки. Отпоили нас козьим молоком. Так и жили, не переставая ждать отца Романа Титовича.

Закончила два класса, заболела тифом. После болезни в школу не пошла. Рано ушли из жизни две сестры и брат. Я в 13 лет устроилась работать, пилила чурки для тракторов и таскала на сушилку.

В 16 лет дали паспорт и я устроилась работать в лес сучкорубом. Николай пришёл из армии и тоже работал в лесу трактористом. Сначала с Надькой гулял, а потом на меня перекинулся. Вскоре мы с ним поженились. Две свадьбы за одним столом были, женился ещё его брат Миша. В 1967 году с тремя детьми переехали в Созим, где вместе с мужем работали на эстакаде до самой пенсии.» - рассказывает Людмила.

МЯКИШЕВ

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился в 1926 году в деревне Мякишата Нагорского района. С 12 лет начал работать в колхозе вместе с родителями, сестрой и младшим братом. Приходилось таскать мешки с зерном, пахать землю на лошадях, косить траву, копать картошку, заготавливать дрова, молотить хлеб.

Трудодней на житьё не хватало, и родители отправили меня к родственнику в п. Рудный Нагорского района на лесозаготовки. Это был небольшой леспромхоз, где я отработал 7 лет. Это было для меня очень тяжёлое время. Все работали по 12 часов в сутки и стар, и млад. Зимой, когда было очень холодно, спасали костры, у которых грелись. Но в любое время и в любую погоду старались выполнить план и выполняли. Кроме того, лес ещё нужно было вывезти на лошадях к месту складирования. Там и пришла повестка в армию.

Отслужил, пришёл домой, женился и переехал жить в Кирс. Жизнь постепенно налаживалась, но тяжёлые военные годы в памяти навсегда.